
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Здоровенный блузник, в деревянных башмаках, с треуголкой национального гвардейца на круглой голове и с тяжелым ружьем в руках, отворил дверь Жану Лемерсье. Он неуклюже посторонился, пропуская маленького ученого, и сверху посмотрел на его рыжий паричок с таким выражением, как будто недоумевал, почему бы ему просто не треснуть прикладом по черепу этого друга врагов народа.

Подгибающимися ножками в коричневых заштопанных чулках Жан Лемерсье переступил порог и увидел грязные стены, маленькое тусклое окно, забранное решеткой, кучу соломы и два человеческих силуэта, закопавшихся на полу, в полосе света, упавшего из отворенной двери.

Это была обыкновенная тюрьма: для мелких воришек, пьяниц и неосторожных должников. В обычное время здесь беззаботно насвистывали уличные песенки неунывающие оборванцы, мрачно вытрезвлялись подгулявшие извозчики или сидел, ковыряя штукатурку, какой-нибудь мелкий лавочник, сетующий на превратности судьбы и торговли. Теперь, в грозные дни народного гнева, это жалкое, скучное здание, о котором часто забывало само тюремное ведомство, превратилось в страшную революционную тюрьму, из которой выход был только один: на подмостки гильотины.

Жан Лемерсье остановился при входе, невольно вздрогнув, ко/да тяжелая дверь с железным гулом захлопнулась за ним и загремел ключ, поворачиваемый в замке. Сердце его сжалось, точно эта дверь закрылась за ним навсегда, но еще больше сжалось оттого, что он увидел Жюля Мартэна в такой обстановке.

Один из двух, лежавших на соломе, – поднял голову и долго вглядывался в неожиданного посетителя. При слабом свете окна, пробитого под самым потолком, Жан Лемерсье узнал знакомое лицо.

Но, Боже мой, как страшно и печально оно изменилось!.. От жизнерадостного, энергичного Жюля Мартэна, молодого ученого, подававшего такие громадные надежды, его любимого ученика и его гордости, казалось, ничего не осталось в этом худом, землисто-сером лице с горящими и обведенными черными кругами глазами приговоренного к смерти человека.

Он был взлохмачен и небрит; его крупный горбатый нос опустился и повис; платье было разорвано и запачкано известкой; на щеке чернел длинный рубец запекшейся крови: кто-то во время ареста ударил его пикой в лицо и едва не разорвал рот.

Жан Лемерсье горестно стоял на пороге, не в силах будучи произнести ни одного слова. Мартэн тоже молчал и смотрел на своего старого учителя так тупо и тяжело, точно не узнавал его или уже не интересовался ничем из своей прошлой жизни, такой красочной и деятельной, полной таких возможностей и стремлений и не имеющей ничего общего с той предсмертной тоской, в которой он провел эти три дня.

– Жюль! – слабым голосом воскликнул старичок. Милый Жюль!..

Он поднял руки к потолку и опустил их на свой рыжий паричок, подогнув колени. Слезы потекли из-под его круглых смешных очков.

И по этому движению, без слов, Жюль Мартэн понял, что все усилия были напрасны, и участь его решена.

Никто не может описать тех страшных и жалких судорог человеческой души, в которых, потрясаются и сердце, и разум, но в следующую минуту Жан Лемерсье, старый, сухой ученый, уже стоял на коленях, в грязной соломе, и трясущимися старческими руками обнимал голову, на которую он и великая наука возлагали столько светлых упований и которая завтра должна отлететь под ударом кровавой машины.

Другой заключенный приподнялся на соломе и с безобразной гримасой смотрел на них.

Это был настоящий уличный сорванец, воспользовавшийся днями великой борьбы за свободу для того, чтобы убить и ограбить какого-то случайного прохожего в темном переулке предместья.

Ему не повезло: он был схвачен на месте преступления проходившим патрулем национальных гвардейцев и, в пример разнуздавшейся черни, должен